

АНАТОЛИЙ МАТВИЕНКО

ДЕ БЮССИ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
М33

Серия «Боевая фантастика»
Оформление художника *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Матвиенко, Анатолий Евгеньевич

М33 Де Бюсси : роман / Анатолий Матвиенко. —
Москва: Издательство АСТ; Издательский дом
«Ленинград», 2018. — 352 с. — (Боевая фанта-
стика).

ISBN 978-5-17-110332-3

Чем может обернуться для офицера российской внешней разведки встреча с юной красавицей из XVI века, произошедшая при самых невероятных обстоятельствах? Только одним — внезапно и не ко времени вспыхнувшей страстью. Против влюбленного — козни и интриги королевских придворных, вероломство коронованных особ, подлость врагов, предательство мнимых друзей... Даже сами законы мироздания, препятствующие нахождению нашего современника в прошлом.

Хватит ли ему мужества, самоотверженности, готовности совершать немислимые поступки, ежедневно рискуя жизнью и честью, чтобы уберечь свое счастье от превратностей судьбы?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-110332-3

© Анатолий Матвиенко, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

Часть 1

КОРОЛЬ РЕСПУБЛИКИ

Глава первая

ПРЕКРАСНАЯ ВДОВА

Четверо конных, преградивших дорогу, по виду принадлежали к благородному сословию. Нас — трое, вполне пристойное соотношение для доброй драки, если не считать, что за нашими спинами сгучилось всего лишь пятеро слуг, а у противника собран целый отряд с полудюжиной всадников и двумя десятками пехоты.

Сзади донесся хруст ломающихся веток. Из заснеженного подлеска, облепившего стволы сосен, шустро выползали мужики совершенно разбойной наружности, азартно размахивая копьями, топорами и просто рогатинами. Разумнее всего было, не вступая в переговоры, развернуться и броситься наутек прямо через них, пока эти нестроевые воины не сомкнули ряды, крушить им головы копытами лошадей, рубить саблей направо и налево...

— С кем имею честь? — тем временем осведомился мой спутник. В его голосе не чувствовалось ни малейшего желания удрать. — Кто преградил путь крулю Речи Посполитой?

Разогревшись от скачки, он распахнул меховой плащ. На малиновом бархате камзола блеснула массивная золотая цепь с тяжелым католическим крестом, украшенным драгоценными камнями. Породистое лицо с тонкими усиками не выражало ничего, кроме презрения. Мой друг выглядел особой королевской крови. Всем известно — выливать ее на снег чревато последствиями.

— Под католика вырядился, гугенотский пес! Все французы — поганые еретики! — долетело из польских рядов. Возмутился представительный пан в лисьей шапке, он точно из шляхты, простолюдинам на течения в христианстве плевать.

Их язык понимаю скверно, но один из четверых благородных, выехавший на пяток шагов, сносно заговорил по-французски. Речь его мне совершенно не понравилась.

— Ваша светлость, избрание вас королем было ошибкой шляхты, подавшей на уговоры гугенота Монлюка. Я, маршалок Михаил Чарторыйский, намерен эту ошибку исправить. — Он выдержал торжественный тон, но его гнедая кобылка вдруг взвилась на дыбы, здорово испортив впечатление: выходит, поляк толком не смог совладать даже с лошадьё, однако пыжился изменить европейскую политику. — Если вы — человек чести, предлагаю спешиться и скрестить шпаги!

В случае отказа принять вызов они всем скопом бросятся на нас, это понятно и без дальнейших угроз. То, что половина польских ополченцев непременно сложит головы, Чарторыйский, думаю, в расчет не принял, упиваясь плодами своего хамства.

Мой спутник вскипел праведным гневом: обращение «ваша светлость» вместо «сир» или хотя бы

«ваше высочество» унизило всех Валуа, Генрих Анжуйский — не только приглашенный посполитый король, но и родной брат короля Франции. Унижает это и всех нас — направляющихся в Польшу французских дворян. А уж высказанное публично сомнение в чести исключило возможность примирения. От деланой невозмутимости ничего не осталось, теперь рядом со мной скрипел зубами хищник, готовый сорваться с тонкой узды цивилизованности.

Оскорбленный, он прыгнул с коня, отдав слуге меховой плащ и дорогие, но слишком уж тяжелые побрякушки.

Польский задира тоже скинул кафтан, вручил слуге ножны от сабли и булаву-шестопер. Он встал перед нами, поигрывая клинком и не зная, что ему уготована схватка не с герцогом Анжуйским, интригами Екатерины Медичи приглашенным на краковский трон, а с Шико — первым фехтовальщиком Франции и, по совместительству, королевским шутом. Иначе наверняка бы не испытывал судьбу и сказал своей своре «фас».

Жить поляку осталось всего ничего, я заранее был уверен, что ранением дело не кончится, такая дерзость наказывается смертью, наглядной для наших врагов. Но устрашение врагов — в перспективе, а сейчас, в глухом заснеженном лесу, меня терзала мысль: по окончании их дуэли целая толпа бросится в атаку, затапывая нас массой.

Мне импонировал несколько иной сценарий, к нему и приступил. Матильда покорно попятилась, повинувшись натянутым поводьям. Пока внимание приковано к дуэлянтам, на меня никто не глядел, а напрасно! В ближнем бою привыкли полагаться

на холодное оружие, пистолеты пока приготовишь... Но сейчас как раз возникла подходящая пауза, чтобы подсыпать порох на полки и взвести курки. Да и пистолеты у меня не совсем обычные, они с нарезными стволами и загодя вставленными пулями. Спешившись, я по дуге прокрался к Чарторыйскому, удерживая руки за спиной. У меня на боку — кавалерийская сабля, она сподручнее в суতোлке, чем изящная, смертоносная, но слишком уж хрупкая шпага.

Вот только бы унять нервную дрожь, охватившую тело от возбуждения. Минута — и все решится, выстоим или погибнем... Я никогда не жаждал крови, но коль кто-то другой взял на себя смелость судить — жить мне или умереть, пусть пеняет на себя.

— Имею честь атаковать вас! — поляк выписал витиеватый жест клинком, но не успел даже принять стойку, как раздался первый мой выстрел.

На узкой дороге между соснами бабахнуло, как в театральном зале — весьма громко. От грохота пальбы, главное — неожиданного, лошади испуганно бросились в сторону, в рядах пеших воцарилось замешательство. Теперь надо было дожидаться, когда дворянин, брюзжавший про гугенотов, усмирит своего коня и превратится в легкую мишень... Есть! Пуля опрокинула его на круп, конь встал на дыбы, пан сполз на снег.

Не ждали? Не думали, что французские дворяне столь дерзко отбросят дуэльный этикет? Ошиблись, панове! Вы устроили ловушку вами же приглашенному королю! То есть первыми вывели схватку за пределы законов и приличий, тем самым освободили меня от условностей, к тому же и без того не слишком условности чтущего.

Разрядив оба ствола седельного пистолета, бросил его — перезаряжать времени нет. Прогрели два выстрела из второго. В рядах шляхты появилась еще одна потеря, лишь четвертый пан, легкораненый, успел смыться в тыл, чтобы оттуда науськивать свою маленькую армию. Но для нашей троицы — слишком большую...

Бросив на меня осуждающий взгляд, что не дал проучить Чарторыйского, мой соратник кинулся на пикинера, не сподобившегося даже направить свое оружие в нашу сторону. Шпага ужалила в горло, а я едва смог отрубить саблей древко другой пики, ей один из польских воинов пытался достать моего товарища в бок.

Тот, не теряя времени, швырнул кинжал в лоб следующему поляку.

На этом наши достижения закончились, ошеломление от стрельбы и первой атаки прошло. В польских рядах наметился порядок, нас потеснили к оставленным лошадям. Сзади донеслись крики по-французски и по-польски, ругань «пся крэв» и что-то еще похлеще, к брани примешался звон металла — в тылу вступили в бой наши пятеро слуг, тоже в удручающем меньшинстве.

До неминуемой смерти считанные удары сердца... Нужно было срочно что-то предпринять, столь же неожиданное, как пистолетная стрельба! Например — оставить поле боя.

— Простите, сир, что вынужден вас покинуть!

Не дожидаясь его возмущенного ответа, кувырком через сугроб я нырнул в лес. Бегом, проваливаясь по колено в снег, понесся вперед вдоль дороги. За мной неуклюже топал медвежьего вида мужик

в тулупе и с огромным топором, напоминающим размерами русский бердыш, железка цеплялась за ветки, обрушивая на хозяина потоки снега.

Оторвавшись от преследователя, я выскочил из-под низких еловых лап и с разбега прыгнул на последнего дворянина, опрокидывая его вместе с конем. Пан заверещал как раненый заяц — ногу ему придавило к дороге седлом и лошадиными ребрами, да еще мой вес навалился сверху. Вопли пленника мне на руку: его клеветы начали оборачиваться.

— Всем бросить оружие! Иначе ваш господин немедля встретится с Создателем!

Естественно, никто из ополчения по-французски не говорит, зато нервно дергающееся существо подомной прекрасно поняло сказанное. Доходчивость слов усилил холодный кинжал у горла.

— Бросайте оружие, курвы! — завопил он своим. — Бросайте, песьи души! Встану — сам отправлю вас в ад!

Добрая треть согнанного сюда простонародного «быдла» уже погибла ради прихоти панской четверки, но шляхтича это не особо тронуло.

Шико, заляпанный кровью с головы до пят, но, кажется, абсолютно целый, принялся обыскивать пленников в поисках золотой цепи, похищенной у убитого слуги. Он прав: если Генрих узнает, что шут потерял его подарок, гнев будет не меньше, чем при известии о засаде и покушении на высочайшую особу.

Мой слуга Жак, здоровенный увалень из Прованса, впрочем — достаточно проворный в исполнении деликатных хозяйских поручений, отделался порванным кафтаном и лиловым кровоподтеком на широкой румяной физиономии, раскрасневшейся от

битвы. Держу пари, две недвижимые крестьянские фигуры, распростерты на заднем плане, отягощают грехом именно его душу, о чем он ничуть не сожалел, деловито обшаривая трупы в поисках трофеев.

— Жак! Проклятье! Ты опять за свое, мародер чертов! Быстро доставь мои вещи! И лошадь!

Он нехотя оторвался от дела и подвел Матильду под уздцы. Вместе мы подняли на ноги единственного живого польского дворянина.

— Пан?

— Пан Огинский, господин француз, к вашим услугам.

Вежливый, сволочь, когда его жизнь зависит от одного движения моих бровей! Жак, он куда выше Огинского, уже рассмотрел перстень на перчатке пленника и смекнул, что с мертвой руки драгоценность снимается легче. Поэтому оторвал бы пану не только руку, но и голову без раздумий.

— Услугу вы уже оказали, не околевав с тремя другими шляхтичами, — оборвал я Огинского. — Иначе нам пришлось бы драться с остальными до последнего живого поляка... Славным же получилось явление в Речи Посполитой королевского шута!

— Шута?!

И так побледневшее от потери крови лицо стало белее снега, отразив бешеную вереницу мыслей: гибель товарищей, пулевая рана в плече и унижительный плен — все это произошло из-за Шико, обычного фигляра-лицедея, ряженного под Генриха Анжуйского? Какой ужасный, несмываемый позор...

— А как вы думали? Что король въедет на польские земли, где у него больше врагов, нежели друзей, в сопровождении всего лишь двух придворных?

Странного вы мнения о сюзерене, приглашенном править страной.

— Не править... Царствовать, — слабо возразил недотепа. — Правит Сейм.

Я наслышан о нравах Речи Посполитой, в переводе на французский название государства произносится как «Польская Республика», по образу Римской Республики до эпохи императоров. Вот только какого дьявола республике нужен король, понять не могу. «Король республики» — это даже звучит глупо.

Огинский был одет в длиннополый суконный кафтан — контуш, голову венчала забавная рогатывка — шапочка с отверстием, разрезанным надо лбом. Его посадили на коня, и он кое-как удержался в седле, хоть темное пятно проступило на плече даже через сукно. Перевязать бы мерзавца, но не среди дикого леса, тем более что начало вечереть — короткий январский день приблизился к закату, тусклое солнце как осторожный лазутчик едва выглядывало из-за сосен.

— Далеко ли до Лодзи, пан Огинский?

Он задумался на минуту, прежде чем ответить.

— До ночи успеем.

— Если впереди больше нет панских засад, — вмешался Шико, снова принявший царственный облик. — Признаться, я утомился. Да и не терпится поведать Генриху, как мы научили ретивых шляхтичей покупать пуговицы про запас, чтобы застегивать на брюхе прорехи от моей шпаги!

Шутки у Шико всегда примерно такого же плана, как по мне — они совершенно не смешные. Но король и придворные искренне смеялись до упаду. Поэтому я ухмыльнулся в усы, слушая ржание де Бреньи, тре-

тьего члена нашей маленькой группы, и хихиканье уцелевших слуг. Поляки не поняли наш разговор, кроме Огинского, а ему было не до улыбки.

— Бургомистра тоже придется увещевать новой дыркой под пуговицы?

Шляхтич отрицательно качнул головой. По его словам, лодзинский градоначальник пан Ян Домбровский — человек консервативных взглядов, посягательство на решение Сейма о приглашении короля из дома Валуа сочтет покушением на священные права магнатов управлять государством. То есть, судя по скисшей физиономии и, особенно, — по вислым усам, кончики которых упали на ворот контуша, олицетворяя тоску побежденного, мой пленник ожидал печальной участи. Вполне вероятно — заточения в тюрьму за попытку переворота.

Коротая дорогу, я засыпал Огинского вопросами о других подробностях польской политики. Сопротивление воцарению Генриха, по его мнению, не ожидалось таким уж сильным, как могло показаться после теплой встречи в лесу. Польская государственность затрещала по всем швам, коль в числе кандидатов на трон круля посполитого, по совместительству великого князя литовского, магнаты зазывали даже Ивана IV Грозного из Московского царства, лютого своего врага. Правда, тот отвертелся, для вида выдвинув невыполнимые требования, занятый по горло реформами и борьбой со шведами. Другие кандидаты выглядели не менее отталкивающе для большинства шляхты, поэтому фигура Генриха Анжуйского стала компромиссной и дающей надежду — близость к домам Медичи и Валуа поддержит Польшу в вечно-трудное для нее время.

К тому же Сейм обложил воцарение монарха множеством совершенно странных условий: Генриху вменялось в обязанность расплатиться по всем долгам Сигизмунда Августа, пригласить молодых польских дворян получить образование в Париже, по первому требованию предоставить многотысячный французский корпус для очередной кампании против москвитов (да-да, против того же Ивана Грозного, званого претендента на престол!).

А еще силами французского флота защищать польское побережье Балтики и научить панов самих кораблестроению...

Услышав последнее требование, не слишком, надо сказать, неожиданное, о нем поведал еще де Монлюк, французский посол при польском дворе, Шико усмехнулся и подправил ус, усилив сходство с королем. Узкая вертикальная бородка, перечеркнувшая подбородок, также была подстрижена а-ля Генрих Анжуйский, добавляя комичность пародии шута на своего господина.

— Клянусь святой Екатериной, Луи, — подмигнул он мне. — Польский трон — чертовски ценное для Франции приобретение, раз за него приходится платить столь большую цену. Вот только в чем именно его ценность, я в толк взять не могу.

— Величие любого королевского дома измеряется площадью присоединенных земель. Война прекрасна, но обходится еще дороже. Сейчас мы фактически добавляем Польское королевство и Литовское княжество без единого выстрела... Прости — ценой моих четырех выстрелов из пистолетов. Пока только личной унией. Бог даст, со временем эта тонкая ниточка превратится в корабельный канат.

Угрюмый взгляд Огинского прожег нас из-под насупленных бровей. Гости даже не попытались скрыть, что вознамерились занятие церемониального поста сменить оккупацией! Не знал несчастный, что стрельцы Ивана Грозного деликатничили бы еще меньше.

Как и обещал пленник, бургомистр разве что не вилял хвостом от преданности новому королю и впал в панику лишь по одному поводу — от известия о множественности монаршего поезда: скоро в Лодзь нагрянет уже выехавший из Познани караван Генриха, в нем тысяча двести французских душ (и тел), что означает свыше трехсот карет на санном ходу, четыре сотни подвод, две с половиной тысячи лошадей с запасными. Для Лодзи — слишком уж большое счастье, а приготовить город к радостной встрече посланы мы, разведчики и квартиреры.

— Так ест, панове, надеюсь, вы будете бдительны, — Домбровский заломил пухлые пальцы в знак отчаяния, когда поднялась тема засады Чарторыйского. — Заговоры у нас зреют быстрее, чем растут грибы в середине лета. Четверо наглецов в лесной чаще — малая толика недовольных и готовых обнажить шпагу.

Аж пригнулся, всем видом выражая осуждение бунтовщикам, а глаза спрятал и что-то наверняка скрыл...

Закончив с политикой, он распорядился нагреть воду для приезжих. Грязью здесь никого не удивишь, но расхаживать в багровой корке от чужой крови считается некомильфо. Шико решил проинспектировать будущие королевские покои, а я, пользуясь паузой, спустился вниз, в людскую бургомистрового особняка, где раненому Огинскому приглашенный лекарь